

УКРАИНА В ЭПИЦЕНТРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНФЛИКТА

К. М. Труевцев

Конфликт на Украине, отнюдь не лишенный внимания мировых медиа и, казалось бы, просвеченный ими до малейших деталей, в то же время опутан сетью различных, часто прямо противоположных, интерпретаций. Вследствие этого за ясностью позиций задействованных или заинтересованных в нем сторон открывается далеко не столь ясная картина реальных (а не желаемых) путей его разрешения и, что, пожалуй, еще более значимо, путей и последствий дальнейшего развития конфликта в случае, если разрешить его не удастся. Оговорюсь: сценариев развития и распространения конфликта предостаточно, однако далеко не факт, что события будут развиваться по одному из них, а не пойдут, вопреки этой «классике», по никем еще не проторенной колее.

Связано это, во-первых, с тем, что в данном конфликте со всей очевидностью проявляется черта, становящаяся, кажется, общей для конфликтов XXI в. – многослойность его компонентов и нелинейность развития. Именно эти черты, точно так же как и в других конфликтах нынешнего дня, обеспечивают малопредсказуемость его дальнейшего развития. Причем становится все более очевидным, что это правило распространяется не только на чисто украинский аспект конфликта, но и на более широкий – европейский и евразийский ареал, а в конечном счете проецируется и в глобальном измерении. Заметим сразу, что особенностью украинской драмы является то, что она разворачивается в самом центре Европейского континента и напрямую затрагивает противоречивые перспективы европейско-евразийской и трансатлантической интеграции либо конфронтации, которая в тех или иных формах разворачивается именно по этим линиям глобального натяжения.

Если вернуться к самому украинскому эпицентру, то совершенно новым актом стал иной, никем в конкретных деталях не рас-

смотренный поворот внутренней конфронтации: стоило только установиться достигнутому благодаря минским соглашениям относительно спокойствию на Донбассе, как из, казалось бы, пустячного в общегосударственном масштабе спора вокруг управления государственной компанией «Укртрансгаз» разгорелся конфликт, чреватый по меньшей мере фактической децентрализацией (от киевской власти) пяти юго-восточных областей, а в крайнем случае – распадом государства с плохо предсказуемым конкретным сценарием и последствиями. Причем в данном случае о возможности внешнего управления развитием конфликта с какой бы то ни было стороны говорить не приходится. Ситуация в этом случае может принять вполне ближневосточный характер (разумеется, с поправкой на особенности украинского общества).

Разумеется, внешняя канва последовавших событий – отставка И. Коломойского с поста губернатора Днепропетровской области, его публичное примирение с президентом П. Порошенко и поза смиренного подчинения его решению, – казалось бы, дают почву для выводов ряда (прежде всего украинских) аналитиков о начавшемся процессе консолидации власти.

Однако ресурсов консолидации слишком мало, и они носят в основном поверхностный характер, в то время как ресурсов для дезинтеграции гораздо больше, и они уходят в глубину. Причем речь идет не только о глубине цивилизационно-культурного характера, которая отнюдь не преодолена, но по отношению к текущему политическому процессу опосредована целым рядом промежуточных звеньев. И не только о социально-экономическом измерении происходящего, по поводу чего до сих пор распространены несколько наивные представления о том, что быстрый процесс обнищания населения автоматически становится непосредственной причиной политического взрыва – отсюда выводы о якобы скорой неизбежности «третьего майдана». Наиболее явные условия, предопределяющие не только сам процесс политической дезинтеграции, но и его конкретный алгоритм, заложены в самой архитектуре политического режима Украины.

Напомню, что на основании анализа электоральной статистики и хода политического процесса в период «оранжевой революции» 2005 г. и первые последовавшие за ней годы было показано не только наличие политических полюсов, которые располагаются не

вертикально и не в номинальном политическом центре (Киеве), а горизонтально, обозначая наличие реальных политических центров на номинальной периферии – на западе (Львов и Ивано-Франковск) и востоке (Донецк и Луганск). Так это выглядело на основании электоральной статистики 2006 г., и именно так (за исключением крымского феномена) это проявилось в ходе политического процесса в 2014–2015 гг. Но еще один вывод, который следовал из этого анализа, заключался в том, что централизованная власть в Киеве со всеми ее атрибутами – институтом президентства, парламентом, правительством, политическими партиями – в значительной мере является если не политической фикцией, то лишь внешним антуражем, а реальная политическая власть находится у областных советов и тех политических сил, которые ее организуют (включая местный олигархат). Иначе говоря, реальная политическая власть на Украине за все время ее независимого существования была централизована не на общестрановом, а на областном уровне, и процесс ее общестрановой децентрализации лишь усиливался по мере развития политического процесса в стране. Этот процесс никуда не исчез, а лишь принял видоизмененные формы после так называемой «революции достоинства», иначе говоря – февральского переворота 2014 г.

Массовость «майдана» в Киеве в декабре 2013 – феврале 2014 г. в значительной мере объяснялась притоком выходцев из западных областей, составивших изначальный костяк его участников, хотя в дальнейшем этот костяк стал «обрастать» молодежью и людьми свободных занятий из разных мест, в том числе с востока и юга Украины.

Первым ответом на переворот была, как известно, попытка проведения съезда представителей местной власти различных уровней южных и восточных областей, закончившаяся неудачей. Эту неудачу, как правило, объясняют предательством В. Януковича, отказавшегося от участия в съезде. Однако данного объяснения недостаточно. Провал съезда в не меньшей мере связан с кризисом всей верхушки власти, в том числе региональной. Наиболее ярким выражением этого стал кризис правящей «Партии регионов», куда, собственно говоря, и входили все руководители регионов Юго-Востока, связанные в организационно-ресурсном отношении с наиболее крупными олигархами, подавляющее большинство кото-

рых уже перебежали к тому времени в лагерь организаторов и спонсоров «майдана». Верхушечный характер наспех организованного съезда в Харькове и преопределил в основном его провал.

Крымские события, следовавшие вслед за этим, достаточно хорошо описаны, чтобы останавливаться на них подробно. Хотелось бы лишь оттенить один немаловажный момент. Пророссийские настроения в Крыму всегда имели глубокие корни и были хорошо известны в том числе и киевским властям. Однако в электоральном отношении полнота Крыма проявлялась меньше, чем в Луганске и Донецке. Это отставание объяснялось в значительной мере крымско-татарским фактором, который под влиянием медресы был ориентирован на «оранжевую» власть. Ход событий в Крыму в 2014 г. ярко показал: утверждения о том, что вмешательство «вежливых людей» помогло предотвратить в том числе и возможный межнациональный конфликт, вовсе не лишены оснований.

Наиболее успешным ходом киевской постмайданной власти, предотвратившим почти неизбежное отпадение всего Юго-Востока, было назначение И. Коломойского главой Днепропетровской области. События, развивавшиеся параллельно не только в Донецке и Луганске, но и в Харькове, Днепропетровске, Запорожье, Херсоне, Николаеве и Одессе, пошли по разным сценариям. В каждом из них присутствовала достаточная многослойность: здесь был и народный протест, и действия «антимайданно» (условно или безусловно пророссийски) настроенных активистов, и разнонаправленные действия представителей региональной и местной власти, и не менее разнонаправленные действия местных силовых структур, и противостояние олигархов, у каждого из которых также были охраняемые силовые структуры. Но если в Донецке и Луганске все эти разрозненные факторы смогли соединиться (не без участия «фактора Стрелкова», казачьих и других российских добровольцев, которые при всем их значении все же сыграли вовсе не решающую, а лишь вспомогательную роль, ибо основным фактором стало все же активное участие местного населения) и дать тот кумулятивный эффект, который породил ДНР и ЛНР с их регулярными армиями, основами государственного устройства и организацией хозяйственной жизни, то во всех других регионах Юго-Востока процесс пошел иначе.

Днепропетровск стал ключевым звеном в удержании Киевом всех остающихся под его контролем шести областей Юго-Востока. Начнем с того, что это ключевое звено в прямом геополитическом смысле. Область расположена в самом центре региона. Гранича с Донецкой и Харьковской областями, она перекрывает путь и к четырем южным областям, не давая протестному движению Юго-Востока соединиться в единое целое. Кроме того, Днепропетровск – один из крупнейших промышленных, экономических и финансовых центров, равновесный Донецку, Харьков и Одессе. Вряд ли стоит забывать и о том, что Днепропетровск стал со времен Л. Кучмы источником политической и экономической власти на Украине и центром формирования одной из важнейших частей всей политической элиты. Достаточно вспомнить, что оттуда происходят такие крупные политические фигуры сегодняшнего дня, как Ю. Тимошенко и А. Турчинов. Оттуда же родом и сам И. Коломойский.

Кроме того, И. Коломойскому удалось во взаимодействии с другими фигурами постмайданной власти, прежде всего А. Парубием, В. Наливайченко и А. Аваковым, жестоко подавить протестное движение в Одессе, с меньшими зверствами – в Харькове, Запорожье и Николаеве, удержать под властью Киева Мариуполь. Именно ему принадлежит наибольшая роль в создании, вооружении и постоянном спонсировании добровольческих батальонов, представляющих сегодня одну из наиболее боеспособных и мотивированных сил всей военной структуры Украины.

Таким образом, Днепропетровск и сегодня остается ключевым звеном всей системы управления Юго-Востоком со стороны киевских властей, причем таким ключевым звеном, которое замкнуто исключительно на фигуре И. Коломойского.

С одной стороны, подавление демарша Коломойского путем отстранения его от власти в Днепропетровске выглядит как укрепление президентской власти. Но с другой – даже не выпадение, а просто ослабление этого центрального звена (именно это неизбежно будет происходить после отстранения И. Коломойского от управления Днепропетровской областью) повлечет последствия в виде значительного ослабления всей цепочки власти и управления от Харькова до Одессы.

Учитывая тот факт, что начиная с декабря 2014 г. происходило вовсе не укрепление, а ослабление центральной власти далеко не только на Юго-Востоке Украины¹, следует заметить, что говорить о контроле центральной власти сегодня над какими-либо регионами страны приходится лишь в весьма относительной степени. Консолидирующим фактором до последнего времени была война против Донбасса, помноженная на массивную пропаганду относительно российской агрессии. Однако последние волны мобилизации показали, что этот фактор стал утрачивать свое воздействие. Частично это происходило в результате поражений украинской армии в Донбассе, но не менее важным фактором воздействия стало то, что процесс цивилизационно-культурного размежевания, который не был особенно заметен между центром и западом страны во время «майдана», стал давать свои мало предвиденные ранее всходы. В то время как в добровольческих батальонах стал преобладать элемент выходцев с Юго-Востока², в западных областях, включая традиционно связываемых с бандеровщиной Галичине и Волини, укреплялись мнения, что это «не их война».

Это проявило себя, в частности, и в том, что в западных регионах в ходе последних волн мобилизации стал выявляться один из самых низких процентов призыва. Многие стали попросту «голосовать ногами», в массовом порядке уезжая за рубеж, чтобы избежать призыва. Во Львове впервые проявила себя тенденция к собственному (не общеукраинскому) партстроительству, породившая такой новый феномен, как партия «Самопомощь», занявшая третье место на последних выборах в парламент. Это, разумеется, вовсе не означает, что тот процесс «бандеризации», который прошел на Западной Украине, в особенности на Галичине, и охватил не только часть политической элиты, но и более широкие слои населения, уже не оказывает воздействия на общественное сознание в этих регионах. Но тенденция в сторону дальнейшего размежевания, причем не только с Юго-Восточной, но и с Центральной Украиной, сегодня представляется не менее заметным трендом, который укла-

¹ Более того, этот процесс и начался не на Юго-Востоке, а на Западе, где процесс захвата областных администраций и местных советов прошел раньше, а затем перекинулся также на центральные и северо-восточные области.

² Взять почти любые батальоны – «Айдар», «Днепр», «Правый сектор» – везде мы видим преобладание выходцев с Юго-Востока, в том числе русскоязычных.

дывается в общий процесс идущей децентрализации, а в своей предельной форме – дезинтеграции страны.

В Закарпатье активно развивается процесс русинской автономизации, корни которого восходят к референдуму 1991 г. об автономии, поддерживаемый в последнее время и другой национальной общиной – закарпатскими венграми. При этом события криминально-политического характера в Мукачево с участием «Правого сектора» придали этому процессу дальнейшее ускорение.

В Одессе и Харькове, несмотря на последствия жестокого подавления оппозиции центральной властью и последовавшие за этим постоянные репрессии со стороны СБУ, движение сопротивления в разных формах, в том числе и вооруженной, продолжает сохраняться, что периодически констатируют в том числе и представители власти. Запорожский областной совет в конце августа 2015 г. большинством голосов принял решение о децентрализации областной власти, то есть *де-факто*, ссылаясь на ст. 92 Конституции Украины, сделал решительный шаг в сторону автономизации. Это вызвало крайне нервную реакцию президента П. Порошенко, заявившего о необходимости отмены упомянутой статьи. Даже в таких еще совсем недавно «тихих» областях, как Сумская и Черниговская, стали появляться явные признаки отхода от лояльности киевской власти.

Таким образом, процесс децентрализации на Украине происходит фактически повсеместно, причем идет он объективно и снизу. Политическая элита подспудно ощущает эту реальность и боится ее.

Именно этим, на наш взгляд, и объясняется ее упорное «цепляние» за унитаризм и отрицание даже самого слова «федерализация» из опасения, что последняя приведет к неизбежному распаду страны. Но парадокс здесь заключается в том, что любая попытка силой удержать центр при объективно расползающейся системе централизованного управления будет лишь усиливать центробежные тенденции. Надежда на то, что усиление местного самоуправления на субрегиональном уровне может предотвратить «разбегание» регионов, призрачна: этап, когда это могло быть возможным, безнадежно пройден, причем практически повсеместно.

В этих условиях затеянная Киевом под сильным (в том числе западным) давлением попытка децентрализации, решение о кото-

рой в виде поправок к Конституции в начальном виде принято 31 августа на парламентском уровне, вполне может сыграть и скорее всего сыграет роль катализатора дальнейших процессов распада. Дело в том, что переход от двухзвенной к трехзвенной системе государственно-регионального управления, обозначенный в этих поправках и призванный покончить с советскими структурами областной власти, объективно раскалывающих страну, будучи сам по себе достаточно логичным шагом, мог бы быть осуществлен только в условиях политической стабильности. Однако в условиях усиливающегося развала, несмотря на кажущуюся латентность его проявления, любая попытка существенного изменения несущих конструкций политической архитектуры режима будет действовать ровно так же, как действовала горбачевская «перестройка» в 1989–1990 гг., то есть разносить ее в клочья.

Социально-экономический фактор здесь как раз сыграт одну из решающих ролей: ресурсов (в первую очередь финансовых) для удержания регионов нет и не предвидится, а растущее обнищание будет скорее всего толкать регионы к тому, чтобы выживать в одиночку, то есть к автаркии. В социальном плане это уже дает о себе знать на уровне общественных настроений. Так, корреспондент журнала *Forbes* Кеннет Рапоза, основываясь на данных Института Гэллага и немецкой социологической службы *GfK*, пишет, что «в украинском обществе наблюдается жесточайший раскол, который объективно угрожает территориальной целостности страны. Курс на интеграцию в ЕС поддерживает всего 19 % населения Востока и 26 % населения Юга Украины..., в то время как в Западной Украине – 84 %, Северной – около 60 % и Центральной – примерно половина. Поддержка вступления Украины в НАТО на Юго-Востоке еще ниже, чем поддержка вступления в ЕС. И даже на Западной Украине сторонников такого решения – около 53 %» (PolitRussia 2015). Здесь следует особо отметить, что отношение к ЕС и НАТО фактически является маркером вектора политических настроений населения различных регионов Украины, и поэтому данные социологических опросов, проведенных влиятельнейшими западными социологическими службами в 2015 г., свидетельствуют о том, что этот вектор не претерпел существенных изменений по сравнению с 2006 г., несмотря на «майдан», государственный переворот, отделение Крыма, АТО, президентскую и парламент-

скую избирательные кампании 2014 г., что является подтверждением стабильного присутствия глубинных общественных факторов региональной дезинтеграции.

Возможность и в определенной мере предопределенность внутриукраинского конфликта, превратившаяся в неизбежность коллапса страны после событий начала 2014 г., объясняется, однако, не только внутренними причинами. Ее вряд ли можно рассматривать вне более широкого, международного контекста, особенно если учитывать, что событиям 2014 г. непосредственно предшествовали перипетии интеграционного выбора Украины во второй половине 2013 г., уже тогда принявшего характер «общеевропейской драмы» в самом широком смысле этого понятия – прежде всего как конфликта между ЕС и Россией, в эпицентре которого оказалась Украина.

Здесь уместно вспомнить о предвидении С. Хантингтона в его книге «Столкновение цивилизаций», которая уже в начале 1990-х гг. противопоставляла концепциям однополярного мира³ тематику межцивилизационных конфликтов, доходящих до прямых столкновений на линиях межцивилизационных разломов, где Украина как раз показывалась как один из европейских эпицентров такой линии которая, впрочем, вовсе не ограничивалась ею.

Тема цивилизационного разлома в Европе уже обозначилась в период написания упоминаемой работы С. Хантингтона в виде югославского кризиса, однако, казалось, общими международными усилиями удалось если не разрешить сам этот кризис, оставивший после себя неизгладимые последствия и отразившийся в значительной мере на последующей парадигме развития России, то, по крайней мере, заглушить возможность его развития в более широкую международную конфронтацию⁴.

Вместе с тем линиям предстоящего критического состояния на общеевропейском театре было суждено подспудно развиваться, обретая не только межцивилизационное измерение, но и целый ряд

³ Речь идет прежде всего о концепции однополярного мира, изложенной в работе Ф. Фукуямы «Конец истории», и более поздних концептуальных подходах, где в однополярном мире конкретизировалась ведущая роль США, как в вышедшей позднее книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска».

⁴ После чего концепция С. Хантингтона стала подвергаться сомнениям и критике с разных сторон.

других, в том числе и не обязательно связанных прямо или косвенно с тематикой межкультурного характера.

Здесь следует вспомнить и о том, что периоду катаклизмов конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. предшествовал довольно широко распространившийся в научно-политической элите большинства ведущих стран, не исключая и СССР, концептуальный подход к развитию структуры миропорядка, сформулированный еще в 1970-е гг. в рамках Римского клуба, согласно которому основной вектор противостоит «Запад – Восток», характерный для постялтинского мира, имеет тенденцию смены на линию «Север – Юг». Это должно было происходить, поскольку имеющие идеологический характер противоречия между Западом и Востоком, отнюдь не устраненные, приобрели характер константы и не могут быть решены хотя бы ввиду ядерного паритета, но в силу этого же обстоятельства лишены и дальнейшей тенденции к нарастанию. Однако противоречия между богатым Севером и бедным Югом как раз обречены на перманентное развитие, и для того, чтобы если не устранить, то хотя бы смягчить их, богатому Северу необходимо объединяться, в том числе и для попыток оказания помощи Югу в его развитии.

Идеология перестройки и «нового мышления» в СССР развивалась в рамках этой парадигмы, а «общечеловеческие ценности» на деле были обоснованы стиранием противоречий между странами Севера. С этой точки зрения ни отпадение Восточной Европы, ни даже распад СССР вовсе не представлялись катастрофой, а рассматривались как процесс объединения, однако не всей, а лишь северной части человеческого социума⁵. Следует отметить, что эти представления охватили не только большую часть политической элиты, но и значительные спектры массового сознания не только Восточной Европы, но и СССР, а затем России и других постсоветских республик, и продолжали оставаться господствующими практически на всем протяжении 1990-х гг.⁶ В рамках таких представлений даже присоединение стран Восточной Европы, а потом и Прибалтики к ЕС и НАТО, хотя и вызывали определенную тревогу, все же не рассматривались в тот период как угроза⁷.

⁵ Юг же оставался за скобками этой модели.

⁶ В России вплоть до 1999 г.

⁷ Вспомним, что вопрос о возможном присоединении в том числе и России к НАТО и ее вступлении в ЕС широко обсуждался вплоть до начала 2000-х гг., создание Совета Рос-

Все попытки превратить СНГ в интеграционный проект оказались тщетными, единственным относительно серьезным шагом стало создание Союзного государства России и Белоруссии, но и этот проект, с самого начала столкнувшийся с определенными трудностями, рассматривался не только на международном уровне, но и внутри России по ряду причин как экзотический.

В то же время европейская интеграция в рамках ЕС шла весьма успешно и превратилась к началу XXI в. в уникальный в современной мировой практике и безальтернативный на Европейском континенте пример не только экономической, но теперь уже и политической наднациональной региональной интеграции.

За этим чрезвычайно быстрым в историческом масштабе процессом оставались незамеченными некоторые вопросы стратегического характера, которые, однако, все настойчивее давали о себе знать уже в первой декаде XXI в. и требовали своего разрешения.

Во-первых, какая модель дальнейшего развития является наиболее приоритетной – эксплозивная, основанная на преимущественном извлечении ресурсов за счет дальнейшей внешней экспансии, или же импловзивная, базирующаяся преимущественно на совершенствовании институтов и других инструментов внутреннего развития?

Во-вторых, если приоритетной является первая модель, тогда встает вопрос: просматриваются ли вообще обозримые границы дальнейшего внешнего расширения, и если да, то где они?

Наконец, если приоритетной становится вторая модель, тогда вопросами расширения можно по крайней мере на время пренебречь, сосредоточившись прежде всего на вопросах совершенствования внутреннего экономического и политического устройства, устранения диспропорций внутреннего развития, а если быть еще более точным, на определении того, какие диспропорции могли бы служить дополнительным источником внутреннего развития, а какие становятся его опасным препятствием, порождая такие виды противоречий, которые ведут к стагнации или чреваты обратным движением в сторону дезинтеграции.

Казалось бы, основные адепты евроинтеграции, прежде всего в лице руководителей стран, которые являлись основным ее мото-

сия – НАТО, а также постоянный диалог Россия – ЕС рассматривались как шаги в этом направлении.

ром – ФРГ, Франции, Италии, Испании, государств Бенилюкса, – отдавали себе отчет в приоритетности второй модели. Об этом свидетельствует, в частности, и процесс создания органов законодательной и исполнительной власти в лице Европарламента и Еврокомиссии, и процесс создания единого правового поля, и процесс создания единого политического пространства в виде Шенгенской зоны, и, наконец, введение единой европейской валюты с постепенным расширением зоны ее применения. Определенное завершение этот процесс должен был получить с принятием Лиссабонского протокола как чернового проекта общей европейской конституции, однако на этом этапе процесс застыл.

Произошедшее в течение первой декады XXI в. (в 2004 и 2007 гг.) резкое (почти вдвое – с 15 до 27 стран) расширение ЕС существенно изменило не только его количественный формат, но и целый ряд структурно-функциональных аспектов его экономической и политической системы. При этом диспропорции уровня развития различных стран значительно усилились, этнонациональные различия существенно возросли, и гомогенность общих политических скреп стала подвергаться все более сложным испытаниям.

На первых порах это казалось несущественным: преобладал энтузиазм, если не сказать эйфория. Новые члены – бывшие республики СССР, члены СЭВ и Варшавского договора – рассматривали это вступление как избавление от тоталитарного прошлого и присоединение к демократическому сообществу⁸. У коренных же стран Западной Европы этот энтузиазм объяснялся тем, что данное расширение стало в их глазах не только подтверждением превосходства западных, европейских ценностей, но и успеха самого европейского интеграционного проекта, его качественных характеристик, расширяющих возможности дальнейшего развития. Эта эйфория породила иллюзию безальтернативности европейского интеграционного проекта и отсутствия видимых пределов его дальнейшей экспансии.

В связи с этим вопросы качественного внутреннего совершенствования, развития и укрепления экономической и политической структуры отходили на второй план, тем более что расширение на первых порах способствовало также неплохой динамике экономи-

⁸ На общем фоне массива стран из бывшего восточного блока вступление не относившихся к нему Кипра и Мальты прошло практически незамеченным.

ческого роста. Поэтому приостановка общеевропейского конституционного развития не воспринималась как тревожный знак.

Между тем следует обратить внимание на еще одну тенденцию, которая наблюдалась в рамках ЕС с ранних этапов развития этого проекта и стала приобретать ясно очерченные контуры уже в преддверии расширения Европейского Союза – тенденцию регионализации. В 1988 г. Европейский парламент принял Хартию Сообщества по проблемам регионализации, а в 1991 г. – Хартию регионов Сообщества. В этих документах содержался призыв ко всем странам ЕС, отличающимся централизованной структурой, продолжить или начать процесс регионализации, иначе говоря, процесс, который в конечном счете ведет к созданию в каждой стране структуры, схожей или аналогичной структуре федеративных государств. Эта тенденция, в случае ее равномерного повсеместного воплощения, должна была привести к гомогенизации политического пространства ЕС, полному стиранию межстрановых границ и созданию «единой Европы регионов».

В 1991 г. в Маастрихте в рамках ЕС был создан Комитет регионов, являющийся консультативным органом, однако со временем, вероятно, он может стать одним из основных институтов Европейского союза наряду с Советом, Комиссией и Парламентом. С этого времени на развитие региональной политики и на субсидии регионам в рамках ЕС стали направляться значительные средства, сравнимые разве что с субсидиями, направляемыми на развитие аграрного сектора.

Однако, несмотря на усилия по развитию региональной гармонизации общеевропейского пространства, даже относительной гомогенизации его между унитарными и федеративно или относительно децентрализовано организованными государствами достигнуть не только не удалось, но и самому лозунгу «Европы регионов» в дальнейшем суждено было по иронии истории сыграть далеко не ту роль, которая ему предназначалась.

Вторая декада XXI в. принесла с собой проблемы, которые заставили не только обратить внимание на те вопросы, которыми европейцы ранее практически не задавались, но и с нарастающей тревогой следить за появлением «снежного кома» новых, которые стали превращаться в непредвиденную ранее угрозу. Между тем значительный вклад в ее появление был внесен и самим руковод-

ством ЕС, прежде всего его ведущими государствами, а также главным союзником по НАТО.

Первый вопрос – о безальтернативности интеграционного проекта ЕС на европейском и неразрывно связанном с ним геополитически евразийском пространстве. До этого времени, а именно до 2010-х гг., евразийская интеграция никем на Западе не воспринималась всерьез. Так же как, впрочем, и вопрос о серьезном восстановлении статуса России как глобальной, а не региональной державы.

Накопление экономических и политических ресурсов в России на самом деле подспудно происходило уже в 1990-е гг. Однако постепенное укрепление государства и центральной власти вкупе с сырьевым бумом начала XX в. и наряду с динамичным развитием Казахстана, а также относительно благоприятной конъюнктурой развития Белоруссии позволили поставить вопрос о евразийской интеграции в практическую плоскость и начать его быструю и достаточно интенсивную реализацию. При этом успех евразийской интеграции достаточно объяснимо связывался с участием в ней Украины, поскольку ее народнохозяйственный комплекс, тесно увязанный с Россией со времен СССР и далеко не потерявший своего промышленного и аграрного потенциала, мог бы стать одним из важных звеньев евразийского проекта. В случае успеха интеграции этих четырех стран, составляющих в совокупности подавляющую долю всего экономического, геополитического, людского и социокультурного потенциала постсоветского пространства, появлялась возможность и его последующего почти полного объединения, за исключением разве что стран Балтии.

При этом никто на политическом уровне (тем более на высшем), за исключением самых упрямых постсоветских романтиков, всерьез даже не задумывался о восстановлении СССР. Речь шла о другом – о том, что уровень межхозяйственных, культурных и языковых связей, в том числе доставшихся от СССР, а также развивавшихся за счет наличия в рамках СНГ зоны свободной торговли и тенденций кооперационных связей нового типа (включая миграционные процессы) составляют объективно сложившиеся и продолжающиеся складываться конкурентные преимущества, призванные обеспечить успех интеграции. Но этот интеграционный проект изначально стал обозначать себя как нечто отличное от общеевро-

пейского проекта в рамках ЕС, а стало быть, и противопоставляемое ему в этом смысле.

Таким образом, стали вырисовываться геополитические границы европейской интеграции в рамках ЕС. Справедливости ради надо признать, что частично заслуга обозначения этих границ принадлежит самому ЕС. Во-первых, начав интеграционный процесс с Турцией еще в 60-е гг. XX в., руководители ведущих европейских государств всякий раз откладывали вопрос об окончательном присоединении этой страны к общеевропейскому экономическому и политическому пространству, оговаривая этот отказ теми или иными предложениями, связанными с несоответствием ее политического состояния европейским ценностям. Фактически же речь шла и продолжает идти о боязни (в случае присоединения Турции) усиления исламского фактора (в том числе в чисто демографическом плане) и тем самым боязни усиления межцивилизационной конфронтации внутри Европы. Но тем самым обозначился первый контур границы – «Турция – не Европа, а следовательно, и не ЕС».

Во-вторых, отвергая или саботируя интеграционные шаги России, но одновременно с этим попытавшись выстроить стратегию «Восточного партнерства», куда были включены три восточноевропейские страны СНГ (Украина, Белоруссия и Молдавия), а также страны Южного Кавказа (Азербайджан, Армения и Грузия), ЕС тем самым обозначал и дальнейший путь своего расширения («перечисленные шесть стран – Европа»), и окончательный контур границ на Востоке («Россия – не Европа»).

Но тем самым обозначались уже не только границы расширения, но и фактическое поле конфронтации с Россией, поскольку было бы по меньшей мере наивно представлять, что Россия, выстраивая свой интеграционный проект, в который так или иначе было включено большинство этих стран, согласится с этим проектом, который обеими сторонами рассматривался как подготовка в перспективе к их вступлению в ЕС. «Пространство добрососедства (между ЕС и ЕАЭС. – К. Т.) стало конкурентноспособным пространством между двумя оппозиционными полюсами со схожими политиками региональной интеграции», – отмечал в этом контексте итальянский профессор С. Джустини (цит. по: Туманова 2015).

Проблема Украины, впрочем, на довольно длительном историческом отрезке (начиная со времен Л. Кучмы) заключалась в том,

что ее лидеры, руководствуясь идеей «моста между Россией и Европой», попытались одновременно реализовать интеграционные линии взаимодействия в обоих направлениях. Правда, после «оранжевой революции» 2004 г. украинское руководство во главе с президентом В. Ющенко пыталось осуществлять исключительно проевропейский интеграционный курс, однако эта попытка закончилась провалом, и после прихода к власти В. Януковича в 2008 г. фактически продолжился курс на интеграцию одновременно в двух направлениях. Однако если такие попытки в начале 2000-х гг. еще могли представляться возможными, то после создания Таможенного союза в составе России, Белоруссии и Казахстана на европейско-евразийском пространстве реальностью стало наличие двух замкнутых экономических (и в определенных параметрах – политических) наднациональных союзов, и интеграция одновременно в двух направлениях стала окончательно невозможной, несмотря на все попытки правительства Януковича – Азарова до последнего придерживаться этой линии. Необходимо было делать выбор.

Момент истины настал в конце 2013 г., когда В. Янукович на встрече руководства ЕС со странами «Восточного партнерства» в Вильнюсе на высшем уровне, получив в полной мере разъяснения о том, что ассоциация с ЕС будет означать разрыв экономических отношений с Россией, на которые была завязана львиная доля украинской экономики, отказался подписывать соглашение.

Ответом, как известно, был «майдан» 2013–2014 гг. Не в последнюю очередь потому, что значительная часть украинского общества и прежде всего молодежь, движимая, как сейчас становится все более очевидным, всего лишь иллюзией европейской интеграции, вышла на протест в центре Киева. То, что этим протестом воспользовались различные политические силы внутри Украины – от олигархов и представителей среднего и малого бизнеса, недовольных действиями президента, до крайних экстремистских и националистических движений и группировок, – это внутриукраинская часть изменений, непосредственно приведших к перевороту.

Но обнаружилась и еще одна линия в организации переворота, и главное, в форматировании новой, постмайданной украинской власти, которая до того времени оставалась в тени. Речь идет о роли США, которая выявилась в демонстративно грубом отмежева-

нии ЕС от украинских событий в телефонном разговоре В. Нуланд с американским послом в Киеве. Казалось бы, всего лишь нюанс, случайно обнаруженный телефонными хакерами. На самом деле речь идет о глубокой линии геополитического расклада на всем пространстве политического Севера.

В интеграционном противоборстве между ЕС и ЕАС, которое рано или поздно должно было обостриться, незримо всегда присутствовал третий игрок в лице США. Все две первые декады после распада СССР происходил процесс становления ЕС как самостоятельного экономического и геополитического игрока. В экономическом плане это проявилось в том, что суммарный ВВП ЕС и его доля в мировой торговле стали существенно превышать соответствующие параметры США, а евро как мировая резервная валюта превратился в крупнейшего соперника доллара. Вплоть до кризиса 2008 г. экономика ЕС довольно динамично развивалась, в то время как американская тяготела к стагнации. На политическом уровне стремление ЕС играть самостоятельно выявилось, в частности, в особой позиции Германии и Франции по вопросу о вторжении США в Ирак. Тогда заговорили даже о возможности оси Париж – Берлин – Москва как противостоящей США линии. Главным препятствием к созданию единой внешнеполитической позиции ЕС тогда выступали «младоевропейцы» в лице постсоциалистических стран в центре и на востоке Европы, включая государства Балтии.

Однако главным фактором, который наиболее существенным образом препятствовал окончательному превращению ЕС в самостоятельного геополитического игрока, было и остается до сих пор объединение ЕС и США в рамках НАТО.

После распада СССР было выдвинуто немало идей, касающихся того, что в условиях новой геополитической реальности НАТО становится анахронизмом и его необходимо ликвидировать точно так же, как это произошло с Варшавским договором. Внутри самих стран НАТО, включая США, существовало довольно мощное лобби, выступавшее за включение в блок России. Совет «Россия – НАТО» при этом рассматривался рядом политиков и политических аналитиков как промежуточный этап присоединения России к Евроатлантическому союзу. Однако вместо этого НАТО расширялось, приближаясь к российским границам.

Говоря о резонах вступления в НАТО восточноевропейских стран, следует упомянуть об одном факторе, который обычно остается в тени. Практически все постсоциалистические страны Восточной Европы (включая страны Балтии) создавались по лекалам парламентских республик. А эта модель, несмотря на все свои преимущества в плане становления демократии, как показывает исторический опыт (в том числе европейский между двумя войнами), является одновременно и самой неустойчивой политической моделью (по сравнению, например, с парламентскими монархиями и президентскими республиками). Поэтому нужен какой-то стержень, препятствующий как авторитарному перерождению, так и непредсказуемому развитию внутривнутриполитических событий в направлении анархии.

Опыт парламентских республик Запада после Второй мировой войны (Италии, Германии и ряда других) свидетельствовал о том, что именно НАТО выполняло в них роль силового стержня, препятствовавшего нежелательному развитию внутривнутриполитических событий (к примеру, приходу к власти коммунистов в Италии). Не исключено, что политические элиты большинства постсоциалистических стран руководствовались в том числе и этими соображениями при вступлении в НАТО, а у американских покровителей подобных шагов были, разумеется, свои резоны, основывающиеся на их представлениях о структуре однополярного мира, возглавляемого Соединенными Штатами.

Уже в 2000-е гг. со всей очевидностью выявилась новая функция НАТО как главного препятствия превращению Евросоюза в самостоятельного геополитического игрока, а во второй декаде XXI в. – и как инструмента нового экономического проекта евроатлантической интеграции.

Этот проект, который возник как реальный сравнительно недавно, в ответ на вызовы, брошенные США прежде всего в районе Тихоокеанского бассейна, превращающегося из периферии в наиболее динамично развивающийся район мира, призван резко усилить конкурентные геополитические и геоэкономические позиции США за счет интеграции с ЕС.

Но одним из основных препятствий на этом пути становится именно Россия, что читается между строк во всех пяти последних произведениях З. Бжезинского, начиная с «Великой шахматной

доски». Дело в том, что развитие интеграционных хозяйственных связей России (при ее огромном ресурсном потенциале) с ЕС становится препятствием для интеграции последнего с США, и здесь особенно отчетливо проступают ресурсные, а также коммуникационные конкурентные преимущества России перед США. Таким образом, уже не только Украина оказывается разорванной между ЕС и Россией, но и весь ЕС выступает в качестве транзитной территории между США и Россией и начинает разрываться между двумя интеграционными мегапроектами. Именно поэтому стратегия США на Украине с самого начала февральского переворота 2014 г., формально отражающие солидарность с ЕС, была направлена на разрыв между ЕС и Россией.

Таким образом, внутриукраинский конфликт, в который оказались втянуты со своими разнонаправленными резонами и интересами и Россия, и ЕС, и США, стал все больше проявлять себя также как часть многоуровневого и, если угодно, гибридного конфликта, который стал охватывать все большую часть европейского континентального пространства.

Применение против России экономических санкций, призванных нанести неприемлемый ущерб российской хозяйственной жизни, а в перспективе вызвать социальные и политические потрясения, ведущие к смене режима, обернулось не только и не столько против российской системы власти. Если на это действительно был расчет, то он оказался достаточно наивным, поскольку не учел мощный импульс внутренней консолидации, многократно усиленный воссоединением Крыма с Россией и широкой общественной поддержкой позиции российского руководства по конфликту на Донбассе. К тому же сам экономический эффект от санкций лишь показался эффективным, поскольку совпал с целым рядом других обстоятельств, главным из которых стал пик кризиса основанной на углеводородных ресурсах модели развития.

Однако эффект, оказанный разгорающимся конфликтом на структуру и процесс функционирования ЕС, а также различных стран и обществ внутри него, оказался, пожалуй, не меньшим. Причем экономические, политические, социальные, культурные, межнациональные, межэтнические, межцивилизационные, идеологические и духовные противоречия здесь переплелись в столь причуд-

ливую мозаику, что с трудом поддаются анализу и проработке основанных на нем политологических сценариев.

Так, в ряде сценариев апокалиптического свойства рассматривается практически неминуемый раскол ЕС на ряд конгломератов, например, Южный, Северный и Центральноевропейский с последующим противоборством между ними, а отчасти и внутри них. При всем том, что рассматриваемые сценарии представляют собой достаточно гипотетически возможные варианты развития событий, если они будут происходить, вследствие исключительно или преимущественно экономических, а точнее социально-экономических, предпосылок, тогда линии разлома будут вполне или в основном совпадать с описанными в данных сценариях. С этой точки зрения Евросоюз сегодня действительно оказался на грани патовой ситуации, когда оплата долгов Грецией практически невозможна ни при каких обстоятельствах, а пересмотр и частичное прощение долгов грозит эффектом домино на всем Юге Европы. И тот, и другой варианты чреваты расколом, вплоть до полного отпадения европейского Юга от ЕС. Чреваты они и возможным выходом из него, напротив, ряда стран индустриального Севера по причине нежелания и впредь содержать менее развитые страны. При этом стоит заметить, что, несмотря на относительно успешные переговоры правительства Греции с руководством ЕС о путях урегулирования греческого долга, этим удалось лишь снять на время остроту вопроса, но вовсе не устранить глубинные причины и факторы греческого, а в конечном итоге и общеевропейского кризиса, связанного с Грецией, но далеко не только с ней.

Однако стоит обратить внимание на то, что этот раскол связан даже не со всеми экономическими обстоятельствами, а лишь с теми, которые определены размером долга и невозможностью его погашения. Это действительно чисто южная группа стран, в которую входят Греция, Кипр, Испания, Португалия и Италия. Но если брать группу стран, готовых войти в проект «Турецкого потока», которые, таким образом, вступают в жесткую не только экономическую, но и политическую конфронтацию с линией ЕС, то здесь мы, помимо Греции, видим также страны, не входящие в Евросоюз, такие как Сербия и Македония, а также Венгрию и потенциально Австрию. Те же страны ЕС, которые входят в эту группу, наиболее активно выступают и за отмену санкций. И в этом к ним готова

присоединиться еще одна группа стран, включая Италию и, возможно, Словакию. А эта позиция уже грозит подрывом общеевропейской и евроатлантической солидарности.

Но и по другим позициям, уже чисто политическим, таким как конфликт на Украине, несмотря на кажущуюся солидарность, грозит не меньший раскол (взять, например, позицию Чехии, Венгрии и той же Греции). Фактически здесь по целому ряду позиций намечился раскол в ранее достаточно солидарной Вышеградской группе, где Польша выступает в качестве претендента на одну из главных ролей на Украине на стороне правящих сегодня сил, в то время как Чехия и Венгрия занимают по крайней мере критическую позицию, а политическая элита Словакии расколота по этому вопросу. Разумеется, это само по себе не абсолютный признак намечающегося раскола, однако накопление противоречий по линии оценки итогов Второй мировой войны, характера внутренних сил на Украине, даже фактора Крыма передает характер определенного политического процесса, который развивается в ЕС и вокруг него.

Еще одна разрастающаяся линия политического раскола выявилась в связи с критической ситуацией, сложившейся вокруг резко возросшей волны миграции из стран Ближнего Востока и Африки начиная со второй половины лета 2015 г. На этот раз уже все члены Вышеградской группы на высшем правительственном уровне солидарно выступили против линии ФРГ в вопросе о квотировании размещения мигрантов в государствах ЕС. 4 сентября 2015 г. на срочном заседании премьер-министров четырех стран Вышеградской группы было принято Итоговое заявление, в котором говорилось, что решение проблемы мигрантов заключается в урегулировании ситуации в Ливии, Сирии и на Ближнем Востоке с участием ЕС, США и России. Содержался в нем и фактический отказ от приема мигрантов в этих странах. Это прозвучало как открытый демарш не только против курса ФРГ в вопросе о мигрантах, но и против линии США и ведущих европейских членов НАТО на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Сила этого демарша еще и в том, что он отражает позиции более широкого числа стран, включая Болгарию, Македонию, государства Балтии и некоторых других.

Однако не меньшее значение имеют процессы, не только развивающиеся в межнациональных отношениях внутри ЕС, но и те, ко-

торые имеют место внутри самих стран-членов, а также государств, не входящих в ЕС или носящих трансграничный характер. Речь здесь идет прежде всего о процессах межэтнического размежевания, доходящих в своих крайних проявлениях до межэтнического раскола.

В этом контексте имеет смысл вспомнить вкратце о прошедших в минувшем году на европейском пространстве референдумах по проблемам национального, этнического и регионального самоопределения. Первым из них стал референдум в молдавском автономном территориальном образовании Гагаузии, расположенном в южной части страны, который состоялся 2 февраля 2014 г., и в ходе которого граждане подавляющим большинством в 98 % высказались за интеграцию в Таможенный союз, а также за «отложенный статус автономии», дающий право Гагаузии на выход из состава Молдавии в случае ее присоединения к Румынии. Следует отметить, что к референдуму фактически присоединился также расположенный южнее Гагаузии Тараклийский район, населенный преимущественно болгарами.

16 марта 2014 г. состоялся референдум в Крыму и отдельно в городе Севастополе по вопросу об их будущем статусе. Согласно официальным данным, 96,77 % принявших участие в голосовании в Крыму и 95,6 % голосовавших в Севастополе приняли решение о присоединении полуострова и города к России. Результатами референдумов стали выход Крыма и Севастополя из состава Украины и вхождение их в состав России.

11 мая 2014 г. в самопровозглашенной месяцем ранее Донецкой Народной Республике прошел референдум о самоопределении на основании Декларации о независимости ДНР от 7 апреля 2015 г. За акт о самостоятельности ДНР по данным ЦИК ДНР проголосовали 89,07 % (при явке 74,87 %). Одновременно с ДНР был проведен аналогичный референдум в самопровозглашенной Луганской Народной Республике, по итогам которого, согласно данным ЦИК ЛНР, 96,2 % голосовавших высказались за суверенитет ЛНР.

18 сентября 2014 г. прошел референдум о независимости Шотландии. 55,3 % голосовавших выступили против независимости, в результате чего Шотландия осталась в составе Великобритании.

На 9 ноября 2014 г. был запланирован референдум о независимости Каталонии, однако 27 сентября Конституционный суд Испа-

нии заморозил его проведение в связи с его несоответствием конституции страны. В результате референдум был заменен консультативным опросом о будущем Каталонии, который, по испанскому законодательству, не имеет юридической силы. В опросе, состоявшемся в обозначенную дату (9 ноября), приняли участие 2,25 млн каталонцев из 5,4 млн имеющих право голоса. Из них более 80 % высказались за независимость от Испании.

Поскольку все эти события происходили в разных частях Европы при разных социальных и политических обстоятельствах, их, как правило, не отождествляют друг с другом, а в случае, если это делается, анализ носит поверхностно-публицистический, эмоционально и идеологически окрашенный характер.

И напрасно, потому что все они отражают четко очерченную линию национально-этнического и регионального размежевания, которая пролегла через весь Европейский континент и которая через перечисленные референдумы (включая и каталонский, в последний момент замененный опросом) вскрыла лишь наиболее видимую часть процесса, имеющего гораздо более обширные и глубокие корни и намечающего далекоидущие последствия.

Так, референдум в Гагаузии был тем ключом, который вскрыл глубокие противоречия в восточной части континента, где Украина, Молдавия, Румыния, Венгрия и далее – Чехия, Словакия, Польша, страны Балтии оказываются «завязанными в один узел» в случае дальнейшего разгорания конфликта, а для его разгорания уже накоплено достаточное количество горючей смеси в виде переплетающихся между собой этносоциальных, этнополитических и этноконфессиональных противоречий.

Помимо Украины, находящейся в процессе полураспада, в таком же состоянии, пусть чуть менее критичном, находится и соседняя Молдавия. Помимо Приднестровья, которое уже более двух десятилетий фактически отделено от правобережной Молдавии, здесь образовался автономный, политически и экономически иначе, чем Кишинев, ориентированный Юг в составе Гагаузии и Такракийского района. К этому в последнее время прибавилась юго-западная часть Одесской области в Украине, где на основе смешанного (русско-украинско-молдавско-гагаузско-болгарского) населения начался процесс самоидентификации южно-бессарабской общности, выразившийся пока только в провозглашении культурной автоно-

мии (но уже в терминах республики), что вызвало крайне нервную реакцию украинских властей и аресты активистов соответствующего движения. Фактически это движение развернулось в регионе, непосредственно примыкающему к Приднестровью, югу Молдавии и – через Дунай – к Румынии. В этом контексте и совместная украинно-молдавская блокада Приднестровья выглядит как превентивный акт против такого развития событий, которое может привести к созданию из всех этих частей единого пророссийски ориентированного анклава, который будет разрываться на куски юг Украины, а также юг и восток Молдавии⁹.

На севере Молдавии – в районе города Бельцы – наметились тенденции, аналогичные происходящим в Гагаузии. Рядом, к северу, находится Закарпатская область Украины, где усилились тенденции русинов в направлении реанимации автономии на основе референдума 1991 г. К востоку от Закарпатья расположена Черновицкая область, которую румыны рассматривают как часть румынской Трансильвании и в течение последних лет проводят политику, направленную в перспективе на ее возможную аннексию. Но так как Молдавия, которую Румыния вместе с частью молдавской элиты уже частично «включила» в румынское государство, на самом деле распадается на антирумынские анклавы, то и путь к Черновцам из Румынии оказывается закрытым.

Таким образом, аннексионистские планы Румынии, которые, собственно, и были одним из спусковых крючков развивающихся в регионе событий, несут в себе заряд малопредсказуемой конфликтности, причем, как показывает опыт противостояния в Приднестровье в начале 1990-х гг., отнюдь не обязательно в виде игры с нулевой суммой в пользу Румынии.

Мало того, ответом на румынский аннексионизм является аннексионизм венгерский, поскольку северо-западная часть румынской Трансильвании населена преимущественно венграми, а набирающий силу венгерский национализм, в наиболее концентрированном виде представленный выходящей на второе место в Вен-

⁹ Учитывая начавшийся в Кишиневе в начале сентября 2015 г. массовый бессрочный митинг протеста, события в этой стране стали принимать малопредсказуемый характер, чреватый дальнейшим усилением не только социально-политических, но и дальнейших дезинтеграционных процессов.

грии партией «Йобик», исходит из презумпции отторжения этого района у Венгрии в результате Первой мировой войны и требует его возвращения в лоно родины, то есть аннексии в венгерскую пользу. Претензии венгерских националистов просматриваются и в отношении Закарпатья. Подобный клубок противоречий в прошлом не раз приводил к военным развязкам, и Евросоюзу с большим трудом удастся удерживать своих членов от попыток решения этих вопросов силовым путем. Негативное отношение руководства ЕС к Венгрии (и менее заметно – к Румынии) частично объясняется именно этим, а отнюдь не только «пророссийской ориентацией» нынешних венгерских властей.

Чехия и Словакия менее связаны со всем этим клубком противоречий, хотя нельзя не вспомнить, что некоторые районы сегодняшней Украины были частью Чехословакии, а в Западной Украине присутствуют чехи и словаки, чьи судьбы непосредственно затронуты украинскими событиями. Но если учесть, что в последнее время вновь всплыл, например, территориальный вопрос между Чехией и Польшей, становится более понятным, почему в этих странах усиливается пророссийская ориентация на фоне претензий Польши позиционировать себя в качестве возрожденной «Речи Посполитой» с ее региональными претензиями.

Польско-украинские противоречия до последнего времени тщательно камуфлировались – до такой степени, что польская элита на самом высоком уровне вообще молчаливо смотрела на процессы героизации Бандеры и его соратников. Однако набирающий силу процесс реституции на основе законодательства ЕС грозит здесь самым серьезным взрывом, ведь речь идет о массовом возвращении польской «собственности» на Западной Украине – в Галичине и Волыни.

Среди тем, которые были остро поставлены на уровне руководства НАТО, – тема возможной российской агрессии против стран Балтии. Но на самом деле никаких российских «агрессивных» планов в отношении этих стран нет. Да, потеря стран Балтии и тем более присоединение их к НАТО не только негативно сказались на геополитическом положении России, но и не без основания рассматриваются ею в качестве серьезной угрозы безопасности страны.

Однако реальные угрозы странам Балтии происходят вовсе не извне, а изнутри. И связаны они прежде всего с режимом «апартеида», который был установлен в них по отношению к русскому и русскоязычному населению. Следует вспомнить при этом, что независимость всех трех стран Балтии, особенно Латвии и Эстонии, никогда бы не состоялась, если бы не была поддержана русским населением, которое составляло здесь значительную часть всех жителей. Однако русское (и более широко – русскоязычное) население почувствовало себя не только обманутым, но и обездоленным после обретения этими странами независимости, будучи в том числе лишенным гражданских прав (попав в категорию так называемых «неграждан»).

Наиболее характерной в этом отношении, пожалуй, является Латвия, которую в определенном смысле можно рассматривать в качестве «слабого звена» в ряду прибалтийских государств. Согласно официальной статистике, латышей в республике более 60 %, русских – около 30 %. Население страны в течение всех лет независимости неуклонно снижалось, составив к 2015 г. примерно 1986 тыс. человек. При этом динамика снижения численности латышей за годы независимости была значительно меньше, чем нелатышей. Поэтому доля русских, к примеру, уменьшилась с 34 % в 1989 г. до 27 % в 2011 г. Доля ряда других национальных групп снижалась в еще большей пропорции.

Впрочем, если посмотреть на общую численность латышей (1284 тыс.) и нелатышей (784 тыс.)¹⁰, соотношение будет несколько иное. Причем неясно, включены ли в эту статистику «неграждане». Однако есть в этой статистике и еще один существенный нюанс, связанный с латгальским вопросом. Латгальцы не учитываются в ней как отдельная от латышей этническая группа. Но если рассматривать их отдельно при суммарной численности в 200 тыс. человек, получается несколько иная картина: количество латышей достигает 1084 тыс. чел., а нелатышей – 984 тыс. чел. Таким образом, мы получаем вовсе не моноэтническую картину, к которой стремится латышская политическая элита, а глубоко разделенную по этническому принципу политическую нацию (если о таковой здесь уместно говорить вообще).

¹⁰ Среди которых львиная доля – русскоязычные.

При этом латгальский вопрос возник отнюдь не случайно. Именно сейчас, в 2015 г., латгальцы заявили во весь голос об ущемлении своих этнических прав, выдвинув в январе проект «Латгальской народной республики» по примеру Донецка и Луганска. Если к этому прибавить и те противоречия, которые выявились в рядах самой титульной нации, а также движение солидарности с Крымом и Донбассом, которое получило определенное развитие среди русскоязычного населения, становится понятной та растущая нервозность, которая наблюдается среди политического класса Латвии и рикошетом захватывает элиты двух других стран в виде опасений эффекта домино «русской весны», появившихся после присоединения Крыма к России.

В Эстонии ситуация близка к латвийской. Эстонцы составляют около 69 % населения, а русские – 25 %, но с учетом русскоязычного населения эта доля возрастает до 30 %. Причем наибольшая концентрация русского и русскоязычного населения наблюдается в столице и особенно в северной части страны, в г. Нарве и окружающих районах, где доля русских достигает 97 %. При этом в Эстонии, как и в Латвии, сохраняется значительное число «неграждан», хотя острота этого вопроса здесь несколько слабее.

В связи с этим потенциал возможной межэтнической конфронтации в обеих республиках достаточно высок. Он кажется не очень заметным при относительно спокойной политической ситуации, однако в случае ее эскалации может дать быстро развивающийся эффект.

Обычно для иллюстрации подобного эффекта ссылаются на реакцию русского и русскоязычного населения на действия крайних националистов из числа титульного населения, в особенности на марши местных нацистов, которые, впрочем, как правило, имели все же ограниченный по численности характер. В то же время стоило бы обратить внимание на один мало замеченный нашими СМИ эпизод, произошедший в Риге в период присоединения Крыма к России. Впервые в современной латвийской истории там прошел массовый марш русскоязычного населения в поддержку действий России, вызвавший буквально шок у местной политической элиты. Этот марш показал масштабы ресурсного потенциала русскоязычного населения в Прибалтике в случае эскалации политической напряженности.

Среди описываемых регионов восточной части Европы за пределами анализа пока оставался Балканский (кроме Румынии) ареал. С точки зрения этнических и этноконфессиональных процессов здесь наиболее сложной остается ситуация в республиках бывшей Югославии. Процесс распада страны и образования на ее развалинах независимых государств, как известно, сопровождался острейшими межэтническими и межконфессиональными конфликтами, вмешательством сил НАТО, кровопролитными военными действиями и массированными бомбардировками гражданских объектов. Югославская трагедия, продолжавшаяся в течение десятилетия и унесшая десятки тысяч жизней, казалось бы, привела к «выгоранию» всего возможного человеческого материала, способного к дальнейшим действиям по развитию межэтнических конфликтов. Однако происшедший конфликт в наименьшей степени затронул албанский этнос, политическая элита которого не только продолжает вынашивать планы построения «Великой Албании», но в последнее время предприняла ряд шагов по реализации этих планов, в частности, в направлении объединения Албании с Косово. Не говоря о том, что эти тенденции чреваты новым конфликтом Тираны с Белградом, их угроза распространяется также на Македонию с ее 25 % албанского населения, а также ряд районов внутри Сербии и Черногории. В связи с этим говорить об утрате или существенном снижении конфликтогенного потенциала на Балканах представляется по крайней мере преждевременным.

В западной и центральной частях Европы процессы межэтнического и межрегионального размежевания носят в настоящее время более мирный характер, чем в ее восточных регионах. Но от этого они не становятся менее актуальными. Здесь уже было обращено внимание на то, что рожденный в недрах ЕС проект «Европы регионов» в определенный момент начал приносить вовсе не те плоды, которые, по идее его авторов, должны были привести к усилению внутренней гомогенности структуры общеевропейского проекта.

Кризисные явления, непосредственно связанные с процессом регионализации, прежде всего начали проявляться еще в прошлом десятилетии в самом сердце Европейского Союза – Бельгии. Кризис, носивший межэтнический и межнациональный характер, приобрел острый политический характер еще в 2007 г., когда страна

практически разделилась на два этнических региона – Фландрию и Валлонию. Он усугублялся еще и тем, что столичный регион, населенный преимущественно валлийцами, является анклавом на территории Фландрии и со всех сторон окружен фламандскими районами. Политическая жизнь в стране на долгое время оказалась парализованной. И хотя пик остроты кризиса во многом усилиями королевского двора впоследствии удалось снять, неопределенность политической ситуации и угроза распада страны вовсе не устранена до сих пор. Вместе с тем, именно в 2014 г. «бельгийская болезнь» стала распространяться по Европе более широко, охватив в той или иной форме целый ряд стран континента.

Шотландский референдум, несмотря на чрезвычайно сильные волнения, которые имели место по этому поводу, не имел, пожалуй, прямых и непосредственных последствий для политической жизни Великобритании. Чего нельзя сказать о его отложенных последствиях, которые, очевидно, скажутся на процессе дальнейшей федерализации королевства в виде уже предоставленных дальнейших преференций Шотландии и, возможно, предстоящих менее значимых, но имеющих аналогичное направление, – Северной Ирландии и Уэльсу. Эта тенденция вызывает растущее подспудное недовольство среди английского населения, опасющегося стать в результате такого развития менее привилегированным в социально-финансовом отношении по сравнению с населением окраин. Это усиливает социально-политический потенциал «Партии независимости» во главе с Н. Фараджем в преддверии предстоящих парламентских выборов¹¹, что потенциально может значительно усилить тенденцию к выходу Великобритании из ЕС: это как раз основное требование «Партии независимости», опасения в отношении победы на выборах которой может подвинуть консерваторов занять аналогичные позиции, а это создаст возможности победы евроскептического большинства.

Однако Великобритания все же находится на островном «отшибе» ЕС, и внутрирегиональное развитие в ней не создает «эффекта домино», способного оказать столь непосредственное воз-

¹¹ Напомним, что на выборах в Европарламент в 2014 г. она заняла первое место, получив свыше 27 % голосов избирателей страны, а на последних парламентских выборах не добилась аналогичного успеха лишь в силу особенностей британской избирательной системы: имея более 10 % общего числа поданных за нее голосов, она получила только одно парламентское место.

действие на трансграничные процессы регионализации, как это происходит в континентальной Европе. Поэтому резонанс несостоявшегося референдума в Каталонии оказался, пожалуй, сильнее, чем прошедшего в Шотландии. Несмотря на то, что вместо референдума здесь прошел лишь опрос, не имеющий прямых юридических последствий, его политические последствия оказались весьма значительными.

Во-первых, рассмотрим их во внутрииспанском контексте. Население Каталонии недвусмысленно высказалось за независимость. Из 17 автономных областей Испании, помимо Каталонии, ярко выраженные сепаратистские тенденции существуют по крайней мере еще в двух – Галисии и Стране Басков, причем в последней с большим трудом удалось подавить вооруженное сепаратистское движение с сильными террористическими элементами. Однако политический сепаратизм подавить не удалось, поскольку сторонники независимости занимают доминирующие позиции в местном политическом спектре. Планы в отношении референдума о независимости вынашиваются и в Галисии. А потому в нынешней нестабильной социально-экономической ситуации в Испании перспектива дальнейшего развития регионального сепаратизма вовсе не утрачена.

Во-вторых, тенденции регионального сепаратизма непосредственно влияют на соседние страны. Баскский сепаратизм затрагивает не только Испанию, но и Францию, где расположена французская часть Страны Басков. При этом вряд ли стоит забывать и о «дремлющем», но периодически «просыпающемся» корсиканском сепаратизме.

В расположенной к юго-востоку от Франции Италии – целый спектр сепаратистских движений. Наиболее известная – Лига Севера – претендует в перспективе на возможное отделение ряда северных областей страны. Кроме того, в пограничном с Австрией немецкоязычном Южном Тироле существует сильное движение, добившееся уже ряда успехов в плане национально-культурной, в том числе языковой автономии, но вовсе не исключающее и других направлений перспективного развития своей «особости». И, наконец, в самое последнее время в Венеции усилилось движение за воссоздание традиционной Венецианской Республики.

В Южной Германии неожиданно для многих возникли сепаратистские тенденции в и без того достаточно автономной Баварии. Менее выраженные тенденции регионального сепаратизма можно обнаружить и в ряде других стран. Сами по себе эти тенденции еще не настолько взрывоопасны, чтобы можно было говорить о том, что они способны «взорвать» Европу. Однако при сочетании с другими линиями центробежного развития картина представляется несколько иной.

Однако общая картина развивающихся событий была бы неполной, если не обратить внимания на то, что происходит в партийно-политическом спектре европейских стран. Процесс переформатирования партийно-политического спектра в Европе в целом не является чем-то новым. Этот процесс, начавшийся с конца 1960-х гг. и в целом носящий длительный эволюционный характер, постепенно привел к ряду изменений во внутреннем содержании многих, если не большинства, партийных систем европейских стран, среди которых можно выделить следующие.

Первое. Утрата традиционными массовыми партиями (коммунистическими, социалистическими, христианско-демократическими и пр.) абсолютно доминирующего характера в партийно-политическом пространстве, а там, где это доминирование по-прежнему сохраняется (как, например, в Германии), оно продолжает последовательно подтачиваться и размываться другими субъектами партийно-политического процесса.

Второе. Изменение тенденции к усилению фокусировки партийно-политического спектра по линии «правые – центр – левые», которая постепенно приближала континентальные европейские страны к англосаксонской системе путем создания дихотомии «правый центр – левый центр». Начиная с конца 1980-х – начала 1990-х гг. эта тенденция стала утрачивать инерцию дальнейшего развития за счет постепенного снижения доверия социума к традиционным центристским партиям как правого, так и левого фланга и появления либо на правом, либо на левом фланге новых сильных игроков, более акцентированно выражавших новые проблемы и вызовы. Причем «либо – либо» в данном случае означает подчеркнутую асимметричность процесса, что стало придавать растущую асимметричность и самому характеру политических систем.

Третье. Появление партийно-политических субъектов, которые изначально рассматривались как «фейковые», типа «партий любителей пива», «пиратских партий» и пр. Но рано или поздно эта тенденция могла привести к появлению субъектов, лозунгом которых, грубо говоря, становится шекспировское «чума на оба ваши дома». И это состоялось в конце концов в разных ипостасях.

Четвертое. Недостаточно гибкая структура политических партий и, как следствие, утверждение внутри них в том или ином виде проявлений «железного закона олигархии» должны были неминуемо породить либо тенденцию к эволюции их внутренней структуры в направлении большей гибкости, либо к появлению наряду с ними гибких и мобильных общественно-политических движений, наиболее оперативно реагирующих на новые политические и, если угодно, цивилизационные вызовы. На деле произошло и то и другое – первое в тенденции превращения ряда традиционных партий в «*Catch-all Parties*», второе – в виде появления новых движений, выходящих за рамки существующего партийного спектра. И, наконец, стало происходить в какой-то мере повторение процесса 1960–1970-х гг. в виде появления субъектов на стыке движений и партий.

Этот процесс в последние годы привел к совершенно определенным результатам. В том отношении, что все перечисленные новые факторы стали приводить не только к изменению самого партийно-политического спектра, но и влиять – косвенно, а в ряде случаев и прямо – на систему политической власти.

Наиболее заметным фактором, оказывающим растущее влияние не только на отдельные страны, но и на весь Евросоюз, стал фактор «новых правых». Это название применительно к достаточно распространенному сегодня виду партий представляется более адекватным, чем распространенный среди политиков, да и ряда исследователей ярлык «ультраправых», к чему, надо сказать, особенно на первых порах, были определенные основания. Однако этот ярлык позволял попытаться поместить эти партии в прокрустово ложе неонацизма, хотя дальнейшая их эволюция, кажется, наглядно показывает, что это не так.

Старейшей из этих партий является французский «Национальный фронт» (НФ), возглавлявшийся долгое время Жаном-Мари Ле Пенем, а в последнее время перешедший под начало его дочери Марин Ле Пен. В начале своего становления НФ отличался крайне

акцентированной националистической идеологией, не чуравшейся в том числе и антисемитизма. Однако росту его популярности на стыке 1970-х и 1980-х гг. способствовало то, что НФ в период, когда Франция стала одним из основных объектов осуществления террористических актов, был первым политическим субъектом, откликнувшимся на (в восприятии части социума) опасность «исламского фактора». В результате уже в 1985 г. Ж.-М. Ле Пен стал субъектом президентской кампании, и победа Ж. Ширака на президентских выборах во многом объяснялась тем, что ему удалось перехватить ряд лозунгов НФ. Эта ситуация повторилась во время президентской кампании Н. Саркози: несмотря на период относительного падения влияния НФ, оно стало вновь возрастать по мере того, как усилились погромы во французских пригородах, в которых участвовали главным образом молодые потомки иммигрантов из арабских стран.

После этого влияние НФ развивалось по нарастающей, теперь уже под руководством М. Ле Пен. Однако идеологические акценты в партии претерпели определенную эволюцию, сопровождаясь при этом и соответствующими структурными изменениями. Так, НФ под руководством М. Ле Пен полностью отказался от антисемитской и расистской риторики и соответствующих положений в своих документах и публикациях. Сохраняя националистические акценты в своей идеологии, он трансформировал их в направлении идеологии национальной демократии, тем самым существенно приблизившись к голлистскому варианту французского национализма. «Фронт изгнал из своих рядов старых одиозных расистов и антисемитов. Осуществив эту трансформацию и включив в свои идеологические документы ряд социальных требований, НФ сумел привлечь в свои ряды бывших голлистов и даже выходцев из Коммунистической партии Франции. Социальная база Фронта пополнилась даже за счет выходцев из Сенегала, Марокко и Алжира, что свидетельствует о том, что они рассматривают его вовсе не как антиисламскую силу» (Кагарлицкий 2015).

Эти факторы превратили НФ в важного политического игрока как на внутрифранцузской, так и на общеевропейской арене. Последние местные выборы показали, что НФ превратился во вторую по значению общенациональную политическую силу, потеснив с этого места социалистов. А в ходе предстоящих президентских вы-

боров его кандидат имеет не только реальные шансы на выход во второй тур, но и перспективы победы. Учитывая вес НФ на национальном уровне и его позиции в Европарламенте, он сегодня превратился и в лидирующую силу евроскептиков, выступающую к тому же с резких пророссийских и антиамериканских позиций на общеевропейском уровне.

Второй по своему историческому значению после НФ является «Австрийская партия свободы» (АПС). Созданная еще в 1956 г., она долгое время пребывала на задворках австрийской политики, где доминировали левоцентристская Социал-демократическая (СДПА) и правоцентристская Народная партия (НПА). Однако с приходом к ее руководству харизматичного выходца из восточной провинции Каринтии Й. Хайдера начался бурный рост популярности партии. На парламентских выборах в 1986 г. она получила 9,7 % голосов, в 1990 г. – 16,6 %, в 1995 г. – 22 % и в 1999 г. – 27 %, вплотную приблизившись к двум ведущим партиям. Создание в 2000 г. правительственной коалиции НПА и АПС вызвало скандал в ЕС, в который Австрия вступила в 1995 г. Австрии был предъявлен ультиматум в связи с принятой в ЕС установкой, что ни в одной из стран-членов не должны находиться у власти экстремистские партии, а лидер АПС Й. Хайдер практически не скрывал своих нацистских, расистских и ксенофобских взглядов.

Несмотря на то, что Й. Хайдер вынужден был публично отказаться от своих симпатий к Третьему рейху, приверженности расизму и ксенофобии и принести извинения за это, его вынудили уйти с поста председателя партии и не войти в правительство. Тем не менее почти во все время существования коалиции Австрия находилась под политическими и экономическими санкциями ЕС.

Коалиция распалась в 2002 г. После этого АПС резко утратила свои позиции, практически скатившись до уровня 1986 г. (10 % голосов). Однако затем она постепенно стала вновь отвоевывать свой электорат, получив на выборах 2013 г. 20,5 % и вернув себе статус третьей общенациональной партии. Произошло это не в последнюю очередь за счет идейно-политической эволюции, сходной с той, которая произошла во французском НФ. Отказавшись от наиболее одиозного наследия Й. Хайдера, партия в значительной мере сохранила в своих рядах сильные антииммигрантские и евроскептические настроения, которые были характерны для нее изначально. Сего-

днешняя позиция австрийского руководства, расцениваемая в ЕС как одна из наиболее «антисанкционных» и «пророссийских», надо полагать, связана не только с экономическими интересами австрийских бизнес-кругов, но и с политическим давлением, которое не в последнюю очередь оказывается со стороны АПС. В частности, несмотря на поддержку Евромайдана в Киеве и связи АПС с украинской партией «Свобода» О. Тягнибока, в последние месяцы произошла резкая переориентация партии в сторону России. Так, в марте 2015 г. АПС призвал не считать Россию агрессором и резко осудил санкционную политику в ее отношении. Более того, его заявления сопровождались резкими антинаатовскими выпадами (Die Presse 2015).

В самом начале XXI в., в 2002 г., политический ландшафт Нидерландов, до этого мало чем примечательный, был буквально взорван демаршем ранее никому в политике неизвестного П. Фортейна, который объявил о создании новой партии под названием «Список Пима Фортейна», главным лозунгом которой был запрет на иммиграцию в страну мусульман. Через месяц после этой публикации партия триумфально (с 35 % голосов) выиграла выборы в городской совет Роттердама и готовилась к подобному триумфу на парламентских выборах, однако за неделю до них П. Фортейн был убит. В результате этот политический проект не состоялся, однако дело Фортейна было продолжено в 2006 г. вновь образованной «Партией свободы» (ПС). В том же году в ходе парламентских выборов она набрала 5,9 % голосов, а в 2010 г. – уже 15,5 %, став третьей парламентской партией. Правда, на выборах 2012 г. ПС снизила свой вес до 10 %, но сохранила свою позицию.

В Великобритании набирает популярность «Партия независимости Соединенного Королевства». Созданная в 1993 г., она долгое время была малозаметной в политическом спектре страны. Однако на европейских выборах в мае 2014 г. эта партия одержала сенсационную победу с 27,49 % голосов, получив в Европарламенте 24 места из 73, предназначенных Великобритании. Опросы показывают, что она может повторить свой успех и на предстоящих парламентских выборах. Идеология партии близка к ранее описаным – направленность против иммиграции и евроскептицизм.

К этому перечню уместно прибавить венгерскую партию «За лучшую Венгрию» («Йоббик»), которую еще недавно многие рассматривали как неонацистскую, неонацистскую, антисемитскую,

антицыганскую и гомофобную. И, надо сказать, эта партия давала основание для таких обвинений – ее деятельность сопровождалась чередой политических скандалов. Созданная в 2003 г. партия стала быстро набирать популярность после 2009 г., когда она заняла третье место на выборах в Европарламент. В 2014 г. на национальных парламентских выборах она получила 20,54 % голосов, утвердив себя в качестве третьей общенациональной партии. Эволюция партии свидетельствует о том, что она в последнее время стала постепенно освобождаться от наиболее одиозных и скандальных позиций, сохраняя при этом их общую националистическую и евроскептическую направленность.

Эта тенденция развития, наблюдающаяся на правом фланге политических партий пяти достаточно значимых европейских стран, свидетельствует о том, что изменения, происходящие здесь, вполне способны в самое ближайшее время повлиять не только на систему власти в этих странах, но и на ситуацию в Европе в целом.

Не менее знаменательные события происходят и на левом фланге, хотя они охватили пока две страны – Грецию и Испанию.

В Греции глубокий экономический и ставший его результатом политический кризис впервые в современной истории Европы привел к власти левую коалицию СИРИЗА, которую многие в стране справедливо считают наследницей местного еврокоммунизма, но которая одновременно позиционирует себя и как наследница коммунистического партизанского движения 1940-х гг., боровшегося в том числе против Великобритании и США.

Созданная в 2004 г. как коалиция левых и экологических партий, СИРИЗА в 2013 г. была формально реорганизована в единую политическую партию, сохраняя фактически коалиционный характер, поскольку реальный характер идеологии и организационных структур входящих в нее партий и движений – еврокоммунистов, троцкистов, маоистов, экологов – не дает возможности говорить о ней как о едином целом. Однако именно такой многоплановый характер позволил СИРИЗЕ приобрести массовую социальную базу и победить на парламентских выборах 25 января 2015 г. с результатом 36,34 %, получив в парламенте 149 мест из 300.

Такая победа позволяла СИРИЗЕ выбирать себе в союзники по коалиции для формирования правительства практически любую из других парламентских фракций (с той целью, чтобы добрать недо-

стающие до абсолютного большинства 2 места), но примечательно, что она пошла на союз не с, казалось бы, наиболее близкой к ней Коммунистической партией Греции, а с национально-консервативной партией «Новые греки». Это также совершенно новое явление в европейской политике, когда левые радикалы вступают в союз с правыми радикалами на общей национальной платформе. И, наконец, совершенно новый феномен состоит в том, что такой лево-правый союз заключается не как некое тактическое объединение, а как именно коалиция на уровне власти.

Все вместе произвело эффект политического шока, имеющего общеевропейский контекст, фактически подрывая единую экономическую и политическую линию ЕС и поставив Грецию на грань выхода из ЕС, а сам Евросоюз в целом – на грань глубокого системного кризиса. Примечательно в этой связи, что не какой-то российский аналитик, а президент Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер заговорил о том, что в случае выхода Греции из ЕС «англо-саксонский мир» будет стремиться ликвидировать европейский проект (Королева 2015).

Возможное дальнейшее развитие сюжета, кроме всего прочего, заключается в том, что греческий прецедент может найти повторение и в Испании, где быстро набирает политический вес левая партия «Подemos», созданная в 2014 г. и сразу же получившая четвертое место среди испанских партий, избранных в Европарламент, с результатом 7,98 %. Социологи предрекают ей дальнейшее быстрое продвижение на общенациональной арене вплоть до победы на предстоящих парламентских выборах.

Наконец, еще одна «болевая точка» современной Европы – взрывная волна миграции из африканских и ближневосточных стран, которая особенно усилилась во второй половине 2015 г. и грозит стать детонатором всех других накопившихся взрывоопасных тенденций. Одним из аспектов растущей эмигрантской волны, которому еще не уделено достаточного внимания, является то, что потенциально, причем в самое ближайшее время, он затронет не столько периферию ЕС, как это происходило до самого последнего времени, а его ядро и прежде всего Германию. Сможет ли германское общество, уже сейчас разрываемое проблемой мигрантов, адаптироваться к их приближающемуся к миллионному рубежу

наплыву, становится, возможно, центральным вопросом для будущего всего Евросоюза.

Само по себе перечисление болевых очагов, линий натяжения, критических ситуаций и тенденций разрыва на европейском театре уже говорит о нарастании напряженности, имеющей в пределе конфликтный характер. Центральная проблема, однако, заключается в том, что все эти перипетии выстроились в одном временном континууме, приходящемся на 2014 – 2015 гг., и стали отличаться растущим синхронизмом действия, что порождает вероятность их совокупного воздействия на общеевропейский политический климат. В этом смысле ситуация весьма сходна с ситуацией в СССР в 1990 г. с ее парадом суверенитетов и разгорающимися конфликтами в разных частях страны. Это пока еще не означает неминуемого повторения распада – теперь уже на европейской сцене. Но тенденция приближения к точке невозврата все же просматривается.

Библиография

Кагарлицкий Б. 2015. Ле-Пен – будущий президент Франции. *Военное обозрение* 4 апреля. URL: <http://topwar.ru/72342-le-pen-buduschiy-president-francii.html>.

Королева А. 2015. Англо-саксы разорвут Европу на части. *Эксперт Online*, 6 мая. URL: <http://expert.ru/2015/05/6/gretsiya-sposobna-razorvat-evropu-na-chasti/>.

Туманова А. 2015. Италия: что-то мы делали с Россией не так. *Regnum* 7 июня. URL: http://regnum/news/polit/1940431.html?utm_source=infox.cg.

Die Presse. 2015. Лидер Австрийской партии свободы: «Отнюдь не Россия является агрессором в последние десятилетия». *Die Press* 24 марта. URL: <http://inopressa.ru/article/24Mai2015/diepresse/Strache.html>.

PolitRussia. 2015. Forbes рубит шокирующую правду о Крыме и Украине. *Политическая Россия* 1 апреля. URL: <http://politrussia.com/society/forbes-rubit-shokiruyushchuyu-753>.